

Каждый день в любую погоду,
когда моросит дождь
или падает снег,
дует пронизывающий холодный ветер
или светит ласковое солнце,
спешит она по длинной рижской
улочке,
соединяющей ее дом и ее театр
— Художественный театр
имени Яна Райниса.
Договариваясь о встрече,
я сомневалась,
станет ли говорить
с гостьей из Москвы
Вия Артмане?
Ведь только что сеймом
Латвийской Республики
был принят документ,
назвавший советский период
оккупацией.
Дать интервью актриса согласилась,
но с оговоркой:
много времени уделить не сможет.
Значит, подумалось мне,
какая-то неприязнь
все же существует.
Но причина оказалась иной.

**Вия
АРТМАНЕ:**

Без общения мы сгнием в своем маленьком болоте

— Два месяца назад у меня случился повторный инсульт, повлиявший на речь. Такая для всех большая неприятность, но для актрисы — особенно. Сейчас понемногу прихожу в норму. Сыграла даже несколько премьерных спектаклей на малой сцене в пьесе «Опасные связи». Роль хоть и небольшая, но занята я от начала и до конца. Главное теперь в моей жизни — научиться считаться с болезнью. Чтобы не чувствовать себя беспомощной, оказывается, нужно вяло жить.

— Что вы вкладываете в столь странное понятие?

— Поскольку я очень быстро устаю, придется сбавить темп, который всегда был напряженным. Вот храню деловые блокноты, где поминутно расписаны будни за долгие годы. Таких блокнотов больше десяти — целое собрание сочинений. Теперь мне нравится их перелистывать. Оказывается, очень часто рабочий день длился по 17 часов в сутки.

— Многие предпочитают поменьше работать и побольше получать...

— А мне всегда было обидно, когда обделяли работой, хотелось играть каждый день. Конечно, из-за этого в доме было не все так идеально, как хотелось бы. Мало внимания уделяла детям. Сын мотался по детским садам и родственникам, а дочку Кристиану всюду, как маленький хвостик, возила за собой по разным съемочным площадкам огромной страны, называвшейся СССР. Даже в перерывах между съемками и репетициями никогда не «простаивала»: всегда — спицы в руках, клубок ниток под ногами. Вот вяжу, скажем, шапку сыну, думаю о роли, мысленно фантазирую, какая она, моя предстоящая героиня. Свяжу — роль, ясна. Свяжу дочке варежки — другая роль готова.

— Полезная у вас творческая лаборатория. Сейчас вы во многих спектаклях заняты?

— Увы, нет. К сожалению, связано это вовсе не с болезнью. Репетировать больше одной роли за сезон не удастся. В театр пришла большая группа молодых актеров. Даже зрелых женщин и старух играют актрисы значительно моложе ме-

ня. В таких, как я, театр, по-видимому, не очень-то нуждается. Вот уже пять-шесть лет сижу на сковородке без масла.

— Вия Фрицевна, но о вашей последней работе в минувшем сезоне — мадам Ракен — до сих пор много говорят в республике...

— Спасибо за комплимент. Я начала от них отвыкать. Спектакль действительно оказался удачным. На мой взгляд, роман «Тереза Ракен» у Эмиля Золя — самый интересный. Существует несколько сценических вариантов. Нам больше всего понравился тот, что сделан Разумовской из Петербурга. Возможно, этот спектакль мы привезем как-нибудь в Москву.

— Есть какие-то препятствия в этом намерении?

— Только финансовые. Спектакль насыщен красивыми декорациями, транспортировка стоит немалых средств. А чтобы вся эта красота еще и «заиграла», нужна хорошая большая сцена. Снять такую в Москве, думаю, тоже обойдется недешево.

— А почему вы ничего не говорите о заработках актеров? Разве вы не нуждаетесь в деньгах? Вообще как живет сегодня работникам театра в Латвии?

— Хуже, чем плохо. Я, кажется, не совсем правильно выразилась по-русски, но суть, думаю, ясна. Билеты в театр стоят дешевле, чем в кино, иначе зрители не будут ходить вообще. Вырученных денег едва хватает на оплату электричества и уборку зала. Поэтому актеры играют почти даром. Если б не моя пенсия...

— Но в Латвии запрещено просить милостыню, если вы на нее намекаете. Человека с протянутой рукой тут же сцапают полицейские. Многих латышей, правда, выручает возвращаемая собственность. Вам что-нибудь досталось?

— Наоборот, моя квартира отошла хозяину вместе со всем домом. Слава Богу, пока не гонят на улицу. Чтобы этого не случилось, приходится исправно платить огромные деньги. Трехкомнатная квартира в Риге обходится нынче от 60 лат в ме-

сяц и выше. В долларовом эквиваленте получается до двухсот долларов. Средняя пенсия раза в два меньше. Правда, у меня есть дача с садиком.

— А кто ваши родители?

— Отец умер рано — от несчастного случая. Меня воспитывала мама, которая прислуживала богатым людям от зари до позднего вечера. Поскольку надзора за мной все равно не было и я целыми днями пропадала где-нибудь на лужайке, мама решила использовать мое праздное времяпрепровождение с толком. Так с десяти лет я стала пастушкой в деревне среди лесов и озер, неподалеку от маленького города Тукумса.

— В театр попали прямо с пастбища?

— Почти. Моей первой сценой были зеленые ковры небольших полянок, где я любила импровизировать, зная, что меня, кроме животных, никто не видит. Это была моя начальная театральная школа. Приехав в Ригу, я поступила в студию при Художественном театре, где прошла школу Эдуарда Смильгиса, ученика и друга Станиславского. У них одно творческое кредо: против серости в искусстве. Театральные нововведения Смильгиса сначала поражали, потом вызвали споры, но со временем всегда завоевывали приверженцев. Он был неисчерпаем. Например, на небольшой и неудобной сцене умел создать иллюзию огромного сценического пространства, используя просцениум, множество игровых площадок там, где и представить их сложно, световые проекции. Его опыт еще пригодится не одному поколению режиссеров.

— Чи режиссерские работы вас сегодня удивляют?

— Действительно, театр интересен только тогда, когда он удивляет. Во время последних гастролей Ленкома в Риге я посмотрела несколько работ Марка Захарова. Это меня потрясло. Тогда я поняла, что без творческого общения с российскими коллегами мы просто сгнием в своем маленьком болоте. Как говорится в вашей поговорке, иногда нужно и на других посмотреть, и себя показать.

— А лично у вас есть определенный проект общения с российскими зрителями?

— Хочу сделать на русском языке спектакль для тех, кто знает меня в странах СНГ вот уже пятьдесят лет. Помнит и любит. Весной я была в Петербурге на театральном фестивале «Балтийский дом». Кроме членства в жюри, играла няню в спектакле «Ромео и Джульетта». За кулисы приходили люди, которые помнят меня в этом спектакле еще в роли главной героини — Джульетты. Боже, до чего приятно! Спасибо всем за память и за любовь ко мне.

— Что ж тут удивляться, ведь вы — народная артистка СССР. В Латвии у вас есть какое-нибудь звание?

— Все звания у нас ликвидировали, мотивируя тем, что в других странах их нет. Правда, там звания компенсируют огромные гонорары. У меня нет денег, зато в шкатулке храню свои награды и регалии.

— Так они же советские. Гордиться ими как-то не в духе времени, тем более в Латвии, где к словам «советский», «русский» относятся, мягко говоря, недоброжелательно. Почему-то в соседней Литве подобного уже не происходит...

— Потому что в Литве русских, поляков, евреев можно назвать меньшинствами — так, как принято во всем мире. А у нас же латышское население на своей этнографической территории оказалось в меньшинстве. Это очень болезненная проблема, решение которой отличается порой излишней жесткостью. Дела в республике, возможно, идут не совсем гладко оттого, что в Латвии маленький опыт государственности. А Литва была великим княжеством, не одно столетие она влияла на судьбы соседних держав.

— Кажется, и латышский язык стал государственным лишь во время президентства Ульманиса-дяди...

— Да. Крестоносцы и немецкие бароны веками хозяйничали на нашей земле, насаждая здесь свою веру и культуру. Единственным выразителем народных дум и чаяний был фольклор, который, кстати, нес в себе и зачатки национального театра. Рига, например, заговорила по-латышски лишь тогда, когда латышская речь зазвучала со сцены. Произошло это более ста двадцати лет назад в комедии Стендера «Пьяница Бертулис».

— Вия Фрицевна, мы увлеклись разговорами о театре и чуть-чуть о политике, а ведь большинству зрителей вы известны по ролям в кино. Какие ваши последние работы?

— Самая крупная и интересная была пять лет назад у режиссера Валерия Тодоровского в фильме «Катафалк». Картина снималась на Московской киностудии имени Горького. Потом на той же студии сыграла небольшую роль в ленте «Спасенному рай». В прошлом году на Рижской киностудии, которая практически простаивает, работали шведы, предложившие мне сняться. Я, разумеется, не отказалась. Профессиональный уровень на съемочной площадке у шведов с российским несравним. Работалось довольно скучно. Честно говоря, даже не запомнила названия фильма, все равно смотреть его не буду.

— А в роли зрителя что вам интереснее — кино или театр?

— Конечно, театр. Это живое искусство, идущее непосредственно от человека к человеку. И у того, и у другого течет кровь, бушуют эмоции, выплескиваясь наружу. Очень люблю эмоционального зрителя, который заряжает своей энергией актера. От нее играешь еще лучше. Тогда уже заряжается зритель... Получается постоянное взаимообогащение. Подобного контакта в кинотеатре или у телевизора не происходит.

— Вия Фрицевна, скоро звонок к началу спектакля. Поди и поклонники уж заждались. Поэтому самый последний вопрос. Что занимает вашу душу, над чем чаще размышляете?

— Очень волнует проблема семьи. Иногда корю себя, что мало уделяла времени своим детям. Быть хорошей матерью — большая честь. Впрочем, такая же большая честь — быть хорошим отцом. Заботы по воспитанию детей должны делиться поровну. Я знаю семьи, где женщина, взвалив на свои хрупкие плечи значительную часть хозяйственных забот, приносит в дом еще и значительную часть денег. Мужчины зачастую ленятся и недостаточно зарабатывают, чтобы содержать семью.

— К вашей семье это имеет какое-то отношение?

— Возможно. Муж был значительно старше меня, и многое приходилось тянуть самой. Хотелось бы напомнить старую латышскую поговорку: «В доме, где голод приходит через дверь, любовь уходит через окно».

Встречалась
Татьяна КОНСТАНТИНОВА.

Реч. клуб. - 1996. - 14 сент. - с. 6.